

В. М. СИДЕЛЬНИКОВ

ФОЛЬКЛОРИЗАЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА

Поэтическое творчество А. С. Пушкина любимо нашим народом. Многие его произведения прочно вошли в быт советского человека. «Многонациональный Советский Союз хранит творения Пушкина как величайшее достижение русского народа, как классическое наследие своего гениального поэта»¹.

Народный поэт Дагестана Сулейман Стальский в песне о Пушкине, сложенной им в 1937 году, говорит, что творчество великого русского поэта является неиссякаемым родником, из которого черпают живительную влагу все народы Советского Союза.

Великий Пушкин, гений твой
Мы чтим сегодня всей страной,
Ты в дом вошел к нам, как родной,
И друга мы в тебе признали.
Ты наш. Весенний день настал,
Не ты ль об этом дне мечтал?
Народ тебя своим назвал,
Тебе мы почести воздали.
И всюду гений твой проник,
Неисчерпаем, как родник.
Лезгин, аварец и кумык
Пить из него отныне стали ².

Некоторые стихотворения Пушкина сделались массовыми песнями и бытуют до сих пор наряду с фольклорными произведениями. Из таких произведений следует назвать «Черную шаль», «Узника», «Талисман», «Зимний вечер», «Шотландскую песню» («Ворон к ворону летит»), «Романс» («Под ве-

¹ А. М. Еголин. А. С. Пушкин — великий поэт русского народа. Стенограмма публичной лекции. М., 1949, стр. 3.

² Сулейман Стальский. Избранное. М., 1952, стр. 278.

чер осенью ненастной»), «Воротился ночью мельник», «Зимнюю дорогу» и др.

В дореволюционное время произведения А. С. Пушкина проникали в народ через отдельных «грамотеев», школу, лубочные песенки и картинки. В наше время творчество Пушкина стало достоянием всего советского народа благодаря массовым изданиям произведений поэта, школьным хрестоматиям, сборникам русской поэзии, эстраде, театру, кино, телевидению.

В песенниках произведения Пушкина впервые появляются в 1830 году. Так, например, знаменитую пушкинскую «Черную шаль» мы встречаем уже в 1830 году в «Новейшем собрании романсов и песен», изданном в типографии С. Селивановского. Этот романс появляется затем в песеннике «Жасмин и роза», изданном в 1830 году для любителей пения. Из этих песенников «Черная шаль» переходит в «Лирический музыкальный альбом на 1832 год», в «Избранные песни» 1833 года, в «Карманный песенник» 1838 года. Так, почти ежегодно, вплоть до первых лет Советской власти, «Черная шаль» помещается в песенниках, из которых она переходит в лубочную картину. Впервые в лубке «Черная шаль» появилась в 1839 году. Безусловно, в популярности пушкинского текста сыграла значительную роль и музыка композитора А. Н. Верстовского, написанная им на этот текст в 1823 году. Какое-то значение для популярности «Черной шали» имел одноактный пантомимный балет, написанный Глушковским в 1823 году на сюжет пушкинского текста с использованием и других произведений поэта³.

Среди лирических стихотворений А. С. Пушкина наибольшей популярностью как песня пользовался «Романс» («Под вечер осенью ненастной»). В 1832 году в Петербурге «Романс» вышел уже отдельным изданием в музыкальном изложении. Николай де Вите. В этом же году он был издан на лубочной картинке с заголовком «Следствие порочной любви». Это произведение А. С. Пушкина пользовалось огромной популярностью в лубочной литературе. Сохранилось до двадцати вариантов этого издания «Романса»⁴. В песенниках «Романс» впервые появляется в 1830 году («Северный певец»). В устном бытовании он был так же популярен, как и «Черная

³ «Черная шаль или наказанная неверность» — пантомимный балет в одном действии, взятый из известной молдавской песни «Гляжу я безумно на черную шаль» и других сочинений А. С. Пушкина (либретто балета), М., 1831. «Черная шаль» на музыку была положена и чешским композитором И. Геништой (М. Глинка. Литературное наследие, т. I, М., 1952, стр. 152).

⁴ См. С. А. Клепиков. Лубок, ч. I, М., 1939, стр. 111—116; его же. Пушкин и его произведения в русской народной картинке. М., 1949, стр. 81.

шаль», но главным образом в городской среде. С этого же времени проникают в песенники «Талисман», «Зимний вечер», «Черкесская песня» с музыкой Алябьева и другие. Стихотворения «Во глубине сибирских руд» («В Сибирь»), «Вольность» («Беги, сокройся от очей») и многие политические эпиграммы Пушкина в песенники проникли через сборник Н. Огарева «Русская потаенная литература XIX столетия», изданный в 1861 году в Лондоне. Отсюда они перепечатывались в революционные массовые песенники большевистского подполья, а из них перешли в советские песенники.

Огромной популярностью в народе пользовался пушкинский «Узник». В песенниках он появляется лишь в 70-е годы XIX века, а затем проникает и в устный репертуар, приобретая формы то разбойничье-тюремной песни, то солдатской или казачьей. В устном бытовании это стихотворение известно под названием «Орлик» или «Орелик».

В этом произведении поэт прекрасно передал народные мечты и стремления к свободе и простору, народный оптимизм. Поэтому оно и стало самым любимым пушкинским произведением в народном бытовании. Часто пушкинский текст «Узника» поется без изменений, но есть и переработки, в большинстве случаев снижающие художественные достоинства оригинала. В нашем распоряжении имеется около тридцати вариантов «Узника», записанных в различное время и в разных районах. Первая запись пушкинского «Узника» относится к 1895 году. Она была сделана в одной из деревень Тобольской губернии и опубликована в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» (1895, вып. III, № 78, стр. 54). В художественном отношении этот тобольский вариант очень слаб. Он представляет собою пересказ некоторых строк пушкинского «Узника» с добавлением двух-трех строчек из народной песни.

В 1896 году под Москвой С. М. Соловьевым был записан вариант «Узника», представляющий собою любовную песню⁵. Первая часть этой записи сходна с пушкинским текстом, вторая является продолжением «Узника». В ней рассказывается о том, как молодой орел приглашает сидящего в клетке орла лететь туда, «где солнце не светит, луна — никогда, где горы высоки, круты берега», и там

...ходит, гуляет
Казачка одна,
Еще поджидает
К себе казака.
Казак был в Сибири,
Богатство искал;
Не нашел богатства
Поехал домой...

⁵ Вариант записан на ст. Крюково Николаевской (ныне Октябрьской) ж. д. и опубликован в «Пушкинском сборнике» за 1900 год, стр. 252.

Подобные «казачьи» варианты «Узника» были записаны в Рязанской (1899), Тульской (1899), Костромской (1926), Московской (1928) и других областях.

Сибирские варианты пушкинского текста почти все «тюремные». Некоторые из них возникли на основе пушкинского стихотворения и народных песен из цикла «тюремных». В них рассказывается о тюрьме, которая белеет за горою, а в ней сидит узник и ждет палача. Он сознает свою вину, покорно выслушивает приговор и просит лишь об одном у палача: чтобы он срубил ему голову, спалил телеса, а пепел развеял «во темны леса». Не все сибирские тексты «Узника» кончаются так пессимистически. Есть очень любопытный текст, где Орелик рвется на волю, чтоб помочь восставшему народу в его борьбе с врагами. Он разбивает цепи и водружает в стране Красное знамя свободы:

Сидел за решеткой в темнице сырой,
Вскормленный неволей орел молодой,
Его старый товарищ, махая крылом,
Песни вольные пел у него под окном.
«Мы вольные птицы, настанет пора,
Мы тюрьмы разрушим, чтоб дети орла
О тюрьмах не знали, приют их свобода,
Девизом их будет — вся власть для народа».
С тюрьмы отвечал ему верный собрат:
«Я верю, я слышу, гудит уж набат,
И мы полетим, наступает пора,
Туда, где народом начата война».
Сидел за решеткой в темнице сырой,
Вскормленный неволей орел молодой,
Он вышел на волю и цепи разбил,
Знамя свободы в стране водрузил⁶.

Эта песня, как сообщает Г. Петров-Трофимов, была найдена на клочке бумаги в одной из камер тюрьмы, где находились заключенные партизаны, расстрелянные впоследствии белобандитами. А. Соколов, из числа новых заключенных, нашел песню и прочитал ее товарищам. Через несколько дней ее текст стал известен во всех камерах. В 1920 году она распевалась в частях Пятой армии.

В Прибайкалье обнаружен матросский вариант «Узника» (с. Усть-Баргузин). В нем орел зовет узника лететь туда, где «снежки белеют и синеют моря» и где плывут корабли. Любопытны варианты «Узника», записанные студентами педагогического института г. Елабуги Татарской АССР и присланные нам преподавательницей этого института Н. А. Вердеревской. Один из этих вариантов, зарегистрированный в с. Рагозино со слов И. Я. Монаховой, близок к прибайкаль-

⁶ Л. Е. Элиасов. Народная революционная поэзия Восточной Сибири эпохи гражданской войны. Улан-Удэ, 1957, стр. 88 и 89.

скому варианту. В нем также орел зовет своего товарища на синее море, где плывут корабли и «корабли ти новые, машут на них паруса». Вариант, записанный в с. Омары, с сибирским колоритом: орел призывает узника лететь за синее море, где есть речка Тайга. Третий вариант, со слов колхозниц с. Коноваловка, является контаминированным. Первая часть взята из известной «блатной» песни про «Мальчика на чужбине»:

В саду при долине
Поет соловей,
А я на чужбине
Забыт от людей...

Дальше идет переработанный пушкинский текст, близкий по своей концовке к казачьим вариантам:

Сидел за решеткой
Орел молодой,
Клевал свою пищу,
Клевал пред собой,
Клевал он, тиранил,
Сам смотрел в окно,
Прилетел товарищ его...

По свидетельству Н. А. Вердеревской, все описанные выше варианты популярны и поются в ряде сел Татарской АССР, а рагозинский вариант исполняется хоровым коллективом.

В 1935 году в Горьком со слов сормовского рабочего В. Г. Иванова был записан вариант, представляющий собою контаминацию пушкинского «Узника» и никитинского стихотворения «На диком кургане»:

На диком кургане
В широкой степи
Прикованный сокол
Сидит на цепи.
Кровавую пищу клюет,
Печальную песню поет.
Сидит он уж тысячи лет,
А воли все нет ему, нет,
А степь широка, широка...⁷

Многие пушкинские стихотворения вошли в тексты народных драм «Лодка», «Атаман», «Шлюпка» и др.⁸

В лубочной картинке встречаются переделки пушкинской шотландской песенки о неверной жене («Воротился ночью мельник»). Приведем текст лубка, изданного в хромофотографии М. Соловьева:

⁷ Песни и сказки на Онежском заводе. Петрозаводск, 1937, стр. 84 и 85.

⁸ См. Н. О н ч у к о в. Северные драмы. СПб., 1911.

Подгуляв в шинке изрядно,
Хохол к жинке поспешает;
Пьяной поступью не твердой
В свою хату он вступает.
А жена, заслышав мужа,
Друга милого укрыла
Второпях же среди хаты
Сапоги его забыла.
Муж окинул хату взором,
Еле стоя на ногах,
Взор его остановился
На высоких сапогах.
«Кажы, жинка, шо такое?
То таки за сапоги?
— Экий дурень! Это ведры,
А совсем не сапоги.
И развел хохол руками:
«Я уж прожил тридцать лет!
Но не видел таких ведров —
Таких ведров вовсе нет!»⁹

Популярной была и другая шотландская песня Пушкина — «Ворон к ворону летит». Она вошла в устный репертуар, встречается в народной драме. Так, например, в народной драме «Шлюпка» ею начинается речь егеря:

Ворон к ворону летит.
Ворон ворону кричит.
Ворон ворону в ответ,
Ворон знает, где обед.

Дальше идут переработанные строки из «Братьев-разбойников» Пушкина:

Не стая воронов слеталась
На груди глеющих костей, —
За Волгой шайка собиралась
Вкруг пылающих огней...¹⁰

Песня А. С. Пушкина «Ворон к ворону летит» бытовала среди хакасов как народная сказка. Впервые она была записана в 1878 году Н. Ф. Катановым от хакаса Санча Онака Чертыкова. Подлинник и подстрочный перевод ее были опубликованы В. В. Радловым в «Образцах народной литературы тюркских племен». Приведем перевод хакасского текста:

ДВА ВОРОНА (сказка)

Ворон к ворону летит.
Ворон ворону кричит:
— Где, ворон, мы пообедаем?
Как бы об этом нам узнать?
Ворон ворону отвечал:

⁹ С. Клепиков. А. С. Пушкин и его произведения в русской картинке, стр. 81.

¹⁰ Н. Ончуков. Северные драмы, стр. 88.

— Я знаю, нам будет пища в лесистом месте*, под ракитником, умерший богатырь лежит там! По какой причине он умер, знает только сокол, едящий птичек! Знает его жена да черная кобыла! Улетел оттуда сокол, кобылу его взял его недруг, жена же его ожидает (дома) своего любимца, живого мужа.

В устном бытовании были широко распространены не только отдельные стихотворения А. С. Пушкина, но и сказки, отрывки из поэм, повестей. Так, например, среди казахов в переводе Абая бытовали отрывки из «Евгения Онегина». Особенной популярностью пользовалось письмо Татьяны. Выдержки из него нередко вводились в поэтические импровизационные состязания — айтысы¹¹. В 20-х годах XX века музыкантами-этнографами в Акмолинском уезде была записана мелодия «Письма Татьяны»¹².

Казахские исследователи народной поэзии свидетельствуют, что «Евгений Онегин» Пушкина стал одним из любимых произведений народных акынов¹³. Имеется ряд устных фольклорных переработок и пересказов знаменитого романа. Накануне столетия со дня смерти А. С. Пушкина в Алма-Ате на казахском языке был опубликован народный вариант «Евгения Онегина», записанный партийным работником Аксуйского района Алма-Атинской области Есимом Байболовым со слов колхозника Шарипова¹⁴. Объем поэмы составлял 250 стихотворных строк.

Опубликованный текст привлек большое внимание общественности и представителей культуры. Отовсюду стали поступать письма и дополнительные сведения о бытовании отрывков из пушкинской поэмы. Были получены и другие варианты «Евгения Онегина», записанные со слов акына Куат Терibaева из колхоза «Шадай» Аксуйского района Талды-Курганской области и акына Сапаргалия Алымбетова из Жанрминского района Семипалатинской области¹⁵. Все эти

* «Арыз чирде» переводится двойко: «чистое поле» или «в лесистом месте»; в первом значении оно ближе к пушкинскому тексту.

¹¹ См. Вестник Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата, 1949, № 6, стр. 17.

¹² Музыкальная этнография. Сборник статей под ред. Н. Ф. Финдейзе-на. Л., 1926, стр. 11.

¹³ См. Е. С. Исмаилов. Акыны. Алма-Ата, 1957, стр. 275.

¹⁴ См. «Казахстанская правда», 1936, 24 мая.

¹⁵ См. А. С. Пушкин. Тандамалы шығармалы, т. I. Алматы, 1937.

варианты представляют собою либо вольные переводы романа А. С. Пушкина, либо народные поэмы, созданные на основе сюжета «Евгения Онегина». Приведем пересказ варианта акына Шарипова, который рассказывал роман Пушкина в своей интерпретации:

«Способному, умному, образованному Онегину однажды посчастливилось. Прекрасная девушка Татьяна, живущая недалеко от Москвы в деревне, влюбляется в Онегина и пишет ему письмо: «Пылаю я и горю от любви к вам, поэтому, несмотря на то, что я девушка, я раскрываю свою сердечную тайну; я дочь почтенного помещика, не испытал в жизни ничего печального, мечтаю о будущем возлюбленном. Поймите меня, вы — тигр, раненный людскими взглядами, растопчите мое письмо ногами, но, умоляю вас, не разглашайте его содержание».

В ответном письме Онегин писал: «Мне сорок шесть лет, а тебе восемнадцать лет, разница, как видишь, большая. Я сорок лет живу одиноко, к тому же я человек, отрекшийся от жизни, я не принимаю твое предложение, потому что жалею тебя. Забудь меня и ищи равного себе среди все равно богатых или бедных». Татьяна (иногда по-казахски ласкательно Татиш) опечалена и страдает. Онегин страдает тоже — вечно свободный и непонятный, похожий на серэ*, он молча принимает на себя позор отказа и уходит.

Между тем проходит два года. Цветущая Татиш живет теперь в Москве, ее красота пленяет и удивляет всех, в нее влюбляется генерал — сын министра — и делает ей предложение, девушка соглашается. Устраивается большой той (праздник) по случаю помолвки. На этот праздник попадает и Онегин. Он пишет Татьяне письмо:

«Оказывается, я сам на себя поднял руку — не распознал и не оценил золото. Склоняю виновную голову и отдаюсь полностью на твою волю».

Татьяна, или Татиш, отвечает ему:

«Вначале я была для тебя созревшим колосом. Но ты, не пощадив мою любовь, оттолкнул меня от себя, как ребенка. Ты баловень судьбы. Меня же судьба приковала к другому... Прощай, возлюбленный мой!»

На этом заканчивается вариант Шарипова. Вариант акына Куата во многом сходен с шариповским, но в нем несколько подробнее излагаются некоторые места поэмы. Передается любопытный рассказ Татьяны своему мужу о встречах с Онегиным:

«Чтоб только душу отвести, за вас тогда я вышла вскоре. Вас двое на моем пути. Кого ж любовью обойти? Кого

* Серэ — казахские народные бродячие артисты, подобные русским скоморохам.

любить мне? Горе, горе! Решайте сами». Сохранившиеся письма Татьяна передает мужу.

Вариант Сапаргалия почти повторяет сюжет варианта Куата. Но в нем вместо Онегина героем поэмы является сам Пушкин. Своеобразен и конец: муж Татьяны и Пушкин, не придя к соглашению, пишут на имя царя письмо, прося разрешить их спор. Царь приказывает решить этот спор дуэлью. Во время дуэли погибают оба, кончает жизнь самоубийством и Татиш. И акын Сапаргалий обращается в конце поэмы к слушателям с просьбой решить:

Кто был из них достойнее ее,
Решай читатель — дело не мое...¹⁶

Так казахские акыны по-своему, вольно, передают роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин», хотя в основном они и сохраняют пушкинские характеристики героев.

Творческие переработки акынами пушкинского романа сыграла известную положительную роль в быту казахского народа: «...Эта лирическая поэма является ярким доказательством того, что казахская любовная поэзия со времен Абая¹⁷ начинает менять ориентировку: после восточных любовных поэм идет Пушкин, а с ним и за ним русская классическая литература»¹⁸.

Многие пушкинские стихотворения и песни были широко распространены среди латышского народа. Особенно популярна была песня-романс «Под вечер осенью ненастной». Она была записана в различных вариантах еще в 20-е годы XX века. Получила распространение и шотландская песня А. С. Пушкина. Любопытный вариант ее был записан в Елгаве в 1926 году.

Любит народ и сказки А. С. Пушкина. Они прочно вошли в быт, фольклоризировались. Особенно популярна пушкинская «Сказка о рыбаке и рыбке». В сборнике А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» (т. I, М., 1936, № 75) есть, например, русская сказка «Золотая рыбка», которая очень близка по своему содержанию к пушкинскому тексту.

¹⁶ Все пересказы цитирую по книге Е. С. Исмаилова «Акыны», изданной под моей редакцией в Алма-Ате в 1957 году. В этой книге казахский критик Е. С. Исмаилов подробно рассказывает о проникновении пушкинских произведений в дореволюционное время в широкую среду казахского народа, о влиянии пушкинского творчества не только на народных певцов, но и на творчество казахских поэтов как дореволюционных, так и современных.

¹⁷ Абай Кунанбаев — один из классиков казахской литературы, творчество которого относится к последней четверти XIX века. Абай родился в 1845 году, умер в 1904-м. См. Х. Суюншалиев. Абай Кунанбаев. Алма-Ата, 1958; М. Ауэзов. Абай. М., 1955; его же. Путь Абая. М., 1952; Б. Шалабаев. Очерк истории казахской дореволюционной литературы. Алма-Ата, 1958.

¹⁸ Е. С. Исмаилов. Акыны, стр. 287.

Такой же пересказ сказки Пушкина мы встречаем и в сборнике И. В. Карнауховой «Сказки и предания Северного края» (М., 1934, № 107), в сборнике В. И. Чернышева «Сказки и легенды пушкинских мест» (Л., 1950, № 21) и др. Имеются белорусские варианты, опубликованные на польском языке¹⁹, литовские²⁰, латышские и др. Среди латышей эта сказка записана в 87 вариантах. «Эта популярность объясняется тем обстоятельством, — пишет латышский фольклорист Б. Ф. Инфантьев, — что пушкинская сказка, благодаря своей социальной направленности (противопоставление мужика-крестьянина жене-помещице)... давала латышскому крестьянину-бедняку (так же как и русскому крестьянину-бедняку) возможность, добавляя и расширяя соответствующие места (сцены между мужем-крестьянином и женой-помещицей), выразить свой социальный протест против угнетения и эксплуатации крестьян помещиками»²¹. Эта социальная направленность способствовала популярности «Сказки о рыбаке и рыбке» среди азербайджанцев («Сказка о золотой рыбке»), казахов («Жигит и волчица»)²², ненцев, эвенков и др. Вот что рассказывает одна из слушательниц сказок Пушкина, бытующих у народов Севера:

«Когда приходит в тундру большая ночь и пурга долго завывает в тундре, в наш чум приходит народ и ведет длинную говорку. Тогда был у нас шибко старый ненец, он много говорил. До тех пор говорит, пока горит трубка, а потом снова набивает трубку и снова говорит. Его много слушали и смеялись. Я слушала и запоминала, как он говорил об одном племени, которое жило у моря и ловило рыбу. Один ненец жил плохо, он раз поймал рыбку, светлую, как солнце. Рыбка говорила, и он ее пустил, а у него была бессовестная старуха, которая хотела не работать и жить хотела хорошо и посылала старика в море ловить эту рыбку, светлую, как солнце, просить у нее хороший чум, много оленей и бисеру... Недавно я прочитала сказку Пушкина «О рыбаке и рыбке». Мне сразу вспомнилась сказка старика ненца, она похожа на эту, что в книге написана, и как она пришла в Хатангу, я не знаю»²³.

¹⁹ См. А. G. Glinski. Bajarz polski. Wilno, 1853, III, № 3.

²⁰ См. М. Dowojna-Sylwestrowicz. Podame Zmujdzkil. I. Warszawa, 1894, str. 236.

²¹ Б. Инфантьев. Сказка о рыбаке и рыбке Пушкина в латышском фольклоре. «Folklores Instituta Baksti», 1950, стр. 45.

²² См. А. С. Пушкин и азербайджанская литература. Баку, 1949, стр. 65—73; В. Сидельников. Казахские народные сказки. М., 1952, стр. 42.

²³ Цитирую по книге А. В. Гуревича «Пушкин и Сибирь». Красноярск, 1952, стр. 137—138. См. газ. «Большевик Заполярья», 1937, 10 февраля, № 33, где опубликовано это воспоминание. О распространении пушкинских сказок см. «Опыт работы школ Крайнего Севера», вып. II. 1950, стр. 111.

Пересказываются народом и другие сказки А. С. Пушкина. В азербайджанском фольклоре существует, например, три варианта пушкинской «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» («Царевна и семь братьев», «Купеческая дочь и семь братьев», «Мачеха»). Во всех вариантах разрабатывается сюжет пушкинской сказки, но вводятся некоторые местные особенности. «Сказка о золотом петушке» бытует среди азербайджанцев под названием «Сказка о волшебной лошади». В ней вместо золотого петушка государство охраняет волшебная лошадь. Она разоблачает царя перед народом: «Волшебная лошадь умерщвляет сыновей царя и его войско на поле битвы. Царь спешит на помощь. Волшебная лошадь, обернувшись красивой девушкой, попадает ему на пути. Царь влюбляется в нее. Оставив своих мертвых сыновей, он вместе с девушкой возвращается к себе во дворец. Во время их свадьбы появляется звездочет и просит царя отдать ему девушку. В тот момент, когда рассвирепевший царь хочет убить звездочета, последний издает крик — и девушка снова превращается в волшебную лошадь. Царь объят ужасом. Лошадь громко ржет, собирается весь народ. Звездочет, рассказав народу о случившемся, разоблачает царя. Обращаясь к народу, он спрашивает, может ли царь защищать интересы его, если он, увидев девушку, принес в жертву ей своих сыновей? Не может ли такой царь пожертвовать ради красивой девушки и интересами народа? Народ отвечает: «Может, конечно, может». Тогда звездочет снова спрашивает: «Какого наказания достоин царь?». Ему отвечают: «Смерти». И народ закидывает царя камнями. Его труп бросают на съедение собакам»²⁴.

Как видим, пушкинская сказка здесь сильно изменена, насыщена социальным содержанием и приурочена к местным условиям, в ней налицо локальный колорит. Сказку русского писателя азербайджанский народ подверг творческой переработке, внес свои изменения и добавления.

В форме сказки был передан и «Утопленник» А. С. Пушкина. Впервые в народном изложении он записан С. М. Пономаревым в 1887 году в Приуралье. Причем этот пересказ имел совершенно неожиданную концовку. Он завершился строчками из известной украинской песни:

Не шумит, не гремит,
Дробен дождик идет;
Гуляй, гуляй, черноброва,
Я до дому доведу²⁵.

В 1902 году в «Ежегоднике эстонского народного музея» был опубликован сказочный пересказ «Утопленника»,

²⁴ А. С. Пушкин и азербайджанская литература, стр. 72 и 73.

²⁵ «Северный Вестник», 1887, XII, отдел II, стр. 85.

очень близкий к пушкинскому тексту. Приведем этот текст в переводе на русский язык преподавателем педагогического института им. Герцена К. К. Трейнома:

«На мысе Юмида* море выбросило на берег утонувшего мужика вместе с рыболовными сетями. Дети рыбака увидели это и дали знать отцу. Отец испугался и задумался, как бы спастись от него. Он запретил детям кому-либо говорить об этом случае и обещал купить им булку, если они будут молчать. Сам же он побегал тотчас же на берег и увидел в сетях труп мужика с опухшим лицом. Он схватил труп и толкнул обратно в море. Вечером, собираясь спать, услышал он за дверью стук. Испугался, так как уже было поздно, но велел зайти. Когда же стук не прекратился, он подошел к окну посмотреть, кто там может быть. Что же он там увидел? Тот же мужик, которого он толкнул в море, стоял нагишом перед окном, черные раки висели на нем и с бороды стекала вода. В великом страхе мужик захлопнул ставни, но стук не прекращался, а все продолжался до утра. С этих пор мужик был так напуган, что по вечерам никогда не смел ходить на берег моря»²⁶.

В фольклор перешли также «Братья-разбойники» А. С. Пушкина. Некоторые части поэмы в сокращенном виде с измененным концом и нарушенным пушкинским четырехстопным ямбом мы встречаем в народной драме «Лодка». В кратком изложении и со значительными изменениями в сюжете пушкинская поэма встречается и в пьесах «Шлюпка», «Шайка разбойников»²⁷. В устной редакции встречаются отдельные отрывки из «Дубровского» (гл. IX, X), из «Барышни-крестьянки» и других повестей Пушкина.

Нужно заметить, что особую популярность многие произведения Пушкина приобрели в годы гражданской войны. В своих воспоминаниях бывшие красногвардейцы и партизаны рассказывают о том, с каким остротным вниманием они всегда слушали стихи и песни Пушкина во время передышек между боями. Некоторые произведения поэта помещались в рукописных журналах и печатались в фронтовых газетах. Поэтическое слово великого русского писателя помогало бить врага, учило любить свою Родину. Иногда песни А. С. Пушкина подвергались новому осмыслению, перерабатывались и бытовали как песни партизанские. Приведем сибирский вариант «Зимнего вечера». Пушкинский текст был сокращен, переосмыслен:

* Юмида — небольшой мыс в северной части Эстонии.

²⁶ Esti Rahva Muuscenmi Aastaraamat. IX—X, стр. 169. Перевод цитируем по статье Н. П. Андреева из «Литературного критика», 1937, № 1.

²⁷ См. Н. Ончуков. Северные драмы.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
И как звери белы воют,
Деревушки жгут догла.
То по кровле обветшало
Вдруг соломой зашумит,
Шайка белых запоздалых
От гибели скулит.
Наша ветхая лачужка
И печальна и темна —
Приютила партизанов,
Кров спокойный им дала.
Выпьем добрая подружка
Бедной юности моей,
Разобьем мы свору белых —
Сердцу будет веселей²⁸.

Переделывались и политические эпиграммы А. С. Пушкина. Так, например, известная пушкинская эпиграмма на графа А. А. Аракчеева послужила основой для новой сатирической песенки про Колчака:

Всей Сибири притеснитель,
Населения мучитель,
Всем бандитам он учитель,
Интервентам друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести
Кто же он такой Колчак?
Черчилем куплен за пятак²⁹.

Эта эпиграмма была помещена в партизанской листовке под карикатурой Колчака³⁰.

Замечательные стихотворения А. С. Пушкина были на вооружении у бойцов Советской Армии и партизан в годы Великой Отечественной войны.

Таким образом, произведения А. С. Пушкина, перешедшие в фольклор, получили довольно широкое распространение среди всех народов Советского Союза. Сбылось пророчество поэта, высказанное им в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Действительно, слух о Пушкине прошел «по всей Руси великой», его произведения читаются на всех языках народов, населяющих нашу страну.

Его пророчество сбылось;
В одной семье тунгус с эстонцем,
Для всех племен одно зажглось
Над миром... солнце.
Своими песнями ведет
Оно теперь народы к свету.
И никогда не зарастет
Тропа народная к поэту!³¹ —

²⁸ Л. Е. Элиасов. Народная революционная поэзия Восточной Сибири эпохи гражданской войны, стр. 90.

²⁹ Там же, стр. 91.

³⁰ Там же.

³¹ Хоца Намсараев. Пушкин. Стихи. Газ. «Бурят-Монгольская правда», 1949, 15 мая, № 96, стр. 3.

так говорит бурятский поэт Хоца Намсараев в своих стихах о Пушкине.

В нашей стране имя великого Пушкина гордо произносится каждым советским человеком. Оно прочно вошло в культуру советского народа. Наш народ любит Пушкина и не забудет его никогда. Об этом замечательно сказал в своей песне о Пушкине казахский акын Джамбул Джабаев:

Слова твоих песен — вершины вершин,
Поэзии мастер, великий акын.
Сравнить ли тебя с океаном, акын, —
Измерить глубины до самых глубин.
Сравнить с легендарным тебя скакуном,
Но песня быстрее, чем ветер и гром.
Становится тише течение рек,
Но ты неизменен, акын, через век.
Ты гордый чинар на вершине хребта,
Ты солнечный дар, ты его теплота.
Ты шелка хивинского пестрый узор,
Ласкаешь, как райская девушка, взор.
Ты сказочной птицы подоблачный взлет,
Когда она радугой в перьях цветет.
Есть песня про камень огонь-самоцвет,
В глуби океана пропал его след.
Но я опущусь на далекое дно
И камень достану, забытый давно.
Легко догорает огарок свечи,
Но в песенном камне не меркнут лучи.
Сиянию камня не будет конца, —
Так Пушкина песнь освещает сердца.
Ты — солнце поэзии, ты — самоцвет,
Ты с нами навеки великий поэт³².

Об этом же, но своими поэтическими образами, рассказывает азербайджанский ашуг Новрес Иман из Гекче:

Книги его — драгоценный клад.
Строки его, как алмазы горят.
Эпос его — героизму хвала,
Сказка — отрада народу — светла³³.

Другой ашуг, из Тауза, творения русского поэта называет «светлой зарей»³⁴. А казахский акын из Талды-Курганской области Куат Терibaев говорит, что Пушкин мог проникать в душу каждого человека:

Все оттенки людей и вещей
Постигал он душою своей.
Всяк, кто книгу его прочитал,
Стал мудрее и лучше стал.
Всяк, кто раз только слышал,
Сотни б раз его слышать желал³⁵.

³² Джамбул. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, стр. 257.

³³ А. С. Пушкин и азербайджанская литература, стр. 68.

³⁴ Там же, стр. 67.

³⁵ Е. С. Исмаилов, стр. 275.

Такова любовь народа к «великому акыну» русской поэзии, выражавшему в своих лучших творениях его мечты и надежды.

Создавая свои произведения, народ широко пользовался и пользуется до сих пор поэтическим наследием великого Пушкина. Творения поэта насыщаются новым содержанием, в них заостряются, усиливаются и развиваются социальные мотивы. И произведения Пушкина, таким образом, вновь оживают, наполняясь новой силой. Они становятся достоянием всего народа, который воспринимает их как свои. «Сюжет порой может быть занесен извне, — говорил Лафарг, — но он принимается только в том случае, когда соответствует духу и обычаям тех, кто его усыновляет»³⁶. Вот такому «усыновлению» подвергаются многие произведения Пушкина у каждого народа нашей страны. Некоторые из них послужили своего рода импульсом к созданию новых фольклорных произведений, другие же стали их составной частью.

³⁶ П. Лафарг. Очерки по истории культуры, 1926, стр. 53.

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МФ АН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА
УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинской конференции
Одессы и
Кишинева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961